

СЛАВЯНОФИЛЬСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В НАЧАЛЕ 60-Х Г. XIX ВЕКА (1)

В 40-50-х годах славянофильство возникло и оформилось как философское и идеологическое течение, сосредоточенное преимущественно на достаточно общих вопросах философии истории и религиозного сознания, сводимых в единый фокус проблематики национального самоопределения, оформления национального самосознания. Для последующей истории славянофильского направления наиболее важен тот факт, что славянофильство не подразумевало какой-либо определенной программы действий - некоторое практическое единство вытекало скорее из близости образа жизни, среды, воспитания, т.е. носило практически-бытовой, а не идеологический характер (2).

Смерть Николая I и быстрая фактическая либерализация режима (3) в первые годы правления Александра II давали новые возможности общественной деятельности, решительное расширение публичного пространства, но для славянофилов они оказались, как сетовал Хомяков, едва ли не преждевременными, поскольку практическая программа у славянофилов отсутствовала, а сам персональный состав славянофильского кружка был весьма ограничен. Ключевая проблема, стоявшая перед славянофилами – конституироваться в качестве общественного направления, оказалась фактически нереализуемой, в частности по той причине, что в отношении конкретных направлений государственных реформ славянофилы выступали наряду с другими течениями широкого либерального спектра, отличаясь преимущественно риторикой.

Назревавший кризис славянофильства усугубился смертью большинства наиболее ярких его представителей – в 1856 г. умер И.В. Киреевский, в 1860 – А.С. Хомяков и К.С. Аксаков. Получив известие о смерти Хомякова, И.С. Аксаков писал А.И. Кошелеву 7 октября 1860 г.:

«Для меня точно потемки легли на мир, точно угасло светило, дневным светом озарявшее нам путь... *Теперь для нас наступает пора доживанья, не положительной деятельности, а воспоминаний, доделывания* [выд. нами – А.Т.]. История нашего славянофильства, как круга, как деятеля общественного, замкнулась» (4).

Спустя три месяца, вернувшись в Москву после смерти своего брата Константина, Аксаков писал Ю.Ф. Самарину:

«Мне нужно с тобою видеться и поговорить, но не о себе, и не об эмансипации, а о тех обязанностях, которые наложила на нас связь с умершими, о наследстве, ими оставленном, об общественном положении славянофильства, о том, разойтись ли нам,

или теснее соединиться... создавать ли новый орган литературный, или отказаться от деятельности литературной» (5).

Различие между двумя письмами довольно характерное; если непосредственная реакция Аксакова на смерть Хомякова – ощущение конца славянофильства и задачей оказывается сохранение памяти (6), то уже три месяца спустя речь идет о необходимости определить «общественное положение славянофильства» в новых условиях, о том, чтобы «теснее сойтись» и «создать... новый орган литературный», которым станет основанная в 1861 г. Аксаковым газета «День». Начиная новое издание, Аксаков стремится обратить его в новый орган славянофильского направления (продолжательницу серии славянофильских изданий конца 1850-х годов: «Русской Беседы», «Молвы», «Паруса»), выступить хранителем традиции, одновременно (этой задаче соответствует предпочтение газеты журналу) стремясь вдохнуть новую жизнь в славянофильство, представить последнее как актуальное направление, откликающееся на основные вопросы современной жизни.

Стремлению сделать «День» общенаправленным изданием, однако, существенно препятствуют два разнородных обстоятельства. С одной стороны, это личные качества редактора – И.С. Аксаков, человек страстный и увлекающийся, с трудом умел сотрудничать с кем бы то ни было, готовый превратить любой второстепенный вопрос в вопрос принципиальный; стремление выступить в объединительной, консолидирующей роли и стать новым лидером направления, не умерялась способностью к компромиссу – выступая, например, с защитой «средней линии», Аксаков в то же время был склонен понимать ее не как ситуационно-вынужденную, а в качестве единственно-истинной, отсекая более крайние позиции. С другой стороны, помимо личных качеств редактора, обретению «Днем» направленного характера препятствовала и фактическая малочисленность публицистических дарований среди славянофилов – наиболее даровитый в этом отношении Ю.Ф. Самарин с головой ушел в работу по крестьянскому делу, только в наиболее важных случаях откликаясь небольшими публикациями, другие же представители направления либо также были погружены в практические задачи, не имея времени и сил для регулярной публицистической активности (кн. В.А. Черкасский, А.И. Кошелев), либо были слишком пассивны, склонны к барской лени (В.А. Елагин). Фактически во все время издания «Дня» Аксаков испытывал острую нехватку рядовых сотрудников, в том числе и по этой причине вынужденный прибегать к псевдонимам и написанию фальшивых «корреспонденций». В письме к Ю.Ф. Самарину от 5 мая 1863 г. И.С. Аксаков сообщает: «Касьянов – это я, но держи это в секрете. Я же написал и письмо от финна, от которого здешние финляндцы в восторге и признают его вполне выражением финского созерцания общественного и политического. Что же делать: вы никто не пишете, и приходится писать разными перьями» (7).

В начале 1860-х годов все большее значение приобретают вопросы национальной политики – в первую очередь в связи с ростом проявлений националистических настроений в Польше по мере ослабления репрессивного режима и готовности императорского правительства на далеко идущие уступки (и формирование ожидания еще больших уступок в силу непоследовательности и недоучета впечатления, производимого на общественное мнение, со стороны правительства). Реакция славянофилов, естественным образом весьма чувствительных к национальным вопросам, была в целом благожелательной – Аксаков осторожно и терпимо высказывался на страницах «Дня» о взглядах лидера формирующего «украинофильства» Костомарова, общее отношение к национальному вопросу укладывалось в рамки широкого либерализма. В отношении польского движения славянофилы формулировали программу предоставления полякам широких возможностей самостоятельного развития в рамках «этнических границ», стремясь разграничить польский вопрос как вопрос национального развития от политических притязаний на восстановление Речи Посполитой. М.Д. Долбилов отмечает: «Пропагандированный в 1861 – 1862 годах на страницах аксаковского “Дня” способ решения “польского вопроса” [...] не был лишь отражением славянофильской теории о самобытности каждой “народности”. Он мыслился в славянофильском кружке моделью “славянской политики”, которую следовало навязать дестабилизированной Австрии, а также залогом польской подмоги в окончательном разрушении империи Габсбургов» (8). Пока ситуация в Царстве Польском и в Западных губерниях оставалась формально мирной, славянофилы могли позволить себе не акцентировать имевшиеся между ними разногласия по поводу дальнейшей политики в Польше. Так, в конце ноября – в начале декабря 1861 г. кн. В.А. Черкасский писал И.С. Аксакову по поводу статьи последнего в № 6 «Дня»:

«[Статья] образцовая, если только исключить из нее несколько строк, в коих намекается на возможность очистить Польшу *теперь* и у границы ее ждать, пока совершится над нею процесс внутреннего ее разложения или, так сказать, самосгорания. Эта мысль, по моему мнению, неверна. То, что Вы предлагаете, равносильно немедленной войне с Польшею и новому, неизбежному и для нее и для нас поражению нами. Конечно, Вы не того желаете и не того ищете; мы не можем *теперь* покинуть Польшу, ибо тут немедленно образовывается пустое место; а природа не терпит пустоты ни в мире физическом, ни в мире нравственном. Польша должна быть нами занята, покуда не воскреснет, и (как необходимое последствие этой практической посылки) Польша должна быть *нами* воскрешена и нами организована; мы должны не покинуть ее, но дать ей прочную остойчивость и династию; но – уввы! мы не можем этого сделать, покуда не решимся расчесться

с Австриею и обменять Польшу на Галицию, а на это не хватает, кажется, ни денег, ни сил. Вот – наша трагическая сторона; здесь – то именно может литература оказать огромную помощь, обнаружив во всеобщую известность и дав право гражданства и в России и в Польше плану, которого дипломатия наша покуда не может еще признать, но который она должна будет осуществить, когда дело созреет в общественном сознании двух стран – России и Польши» (9).

Черкасский фиксирует расхождение во взглядах с Аксаковым и старается убедить последнего в нереалистичности занятой им позиции, однако ситуация на тот момент не мыслится требующей однозначного, прямо определенного выбора – Польша пока еще может рассматриваться и как возможный выгодный ресурс, средство влияния на Австрия, потенциально – ее разрушения изнутри (10). Январское восстание 1863 года радикально меняет перспективу, и в новых условиях Аксаков, в качестве редактора «Дня» стремившийся выразить консолидированную славянофильскую позицию, фактически предпочел устраниваться – почти весь первый месяц восстания газета выходила без передовых статей (11). В.А. Твардовская отмечает, что «судя по обсуждению... не пропущенных цензурой статей в литературных салонах Москвы, Аксаков в первые дни восстания метался между идеями “опереться на сейм, в коем дать место крестьянскому сословию” или же “предоставить Польшу собственной анархии”» (12). Характерно, что и в дальнейшем Аксаков продолжал избегать определенных суждений относительно политики в отношении Польши, делая основной акцент на русской политике в Западных губерниях – поскольку здесь среди славянофилов существовало беспорное единство взгляда на данные территории как на исконные русские земли и согласие в отношении политики русификации (при сомнениях относительно методов осуществления последней).

Однако кризис в рамках славянофильского направления произошел несколько позже – зимой 1863-1864 г., когда по приглашению Н.А. Милютина к разработке реформ в Царстве Польском были привлечены кн. В.А. Черкасский, Ю.Ф. и П.Ф. Самарин, а позднее и А.И. Кошелев. Если до этого разногласия можно было пытаться примирить более или менее обтекаемыми формулировками или умолчаниями, то теперь, когда большинство известных славянофилов оказались вовлечены в практическую деятельность в Царстве Польском, радикальное расхождение во взглядах нивелировать не получалось. Ф.В. Чижов в своем дневнике называл Черкасского и Кошелева «ренегатами славянофильства» (запись от 18 мая 1864), Елагин в письме к Аксакову говорил о «стыде» при памяти за 1863 – 1865 гг. (13), и тот и другой призывали Аксакова к гласному отречению от славянофилов, участвовавших в реформах Царства Польского. Аксаков не пошел на открытое «отречение», но пытался сохранить хотя бы относи-

тельное единство прежнего славянофильского круга, с готовностью жертвуя «периферийными» в рамках славянофильства лицами. В мае 1864 г. он писал Ю.Ф. Самарину, первоначально отмежевавшись от взглядов Елагина (14):

«Я все-таки внутренне рад, что ты не участвуешь в администрации, рука в руку с диктатурой. Зачем, какие же славянофилы Черкасский, Милютин и даже Кошелев» (15).

Самарин отвечал на это письмо резко, отказываясь отделять себя от своих коллег по администрации Царства Польского:

«...Мы отличаемся необыкновенною готовностью тотчас же принять на себя роль судей над всяким из нас, кто только возьмется за дело, ни с того ни с сего заподозрить его намерение, наконец, отступить от него и предать анафеме..., но, признаюсь откровенно, я не воображал себе, чтобы этот общий наш порок мог дойти до такого сумасбродства, до какого он дошел в Василье Елагине, и чтобы это сумасбродство могло найти поддержку в Чижове, даже до некоторой степени в тебе. [...]

Я понимаю, что Елагин рассердился на тебя; он, по крайней мере, последователен. [...] Ты знаешь очень хорошо, что я шел рука об руку с властью в польском деле, что я участвовал в составлении диктаторского проекта о крестьянах, что я подписал его, что я настаивал на необходимости диктаторских средств для приведения его в исполнение и что я устранился от участия в теперешних распоряжениях единственно потому, что мое здоровье расстроено. Следовательно, *нравственно я вполне прикосновенен к делу, я в нем участник, я несусь за него всецело и нераздельно с другими нравственную ответственность; хочу, чтоб все это знали и не принимали никаких в мою пользу изъятий* [выд. нами – А.Т.]» (16).

Кошелев, в свою очередь, сначала долго колебался, опасаясь за репутацию, принять приглашение возглавить финансовую администрацию Царства Польского, а затем старался отмежеваться от своих коллег (17). В результате к 1865 – 1866 гг. прежний славянофильский кружок окончательно распался – личные контакты, прерванные из-за бурных разногласий по польскому вопросу, были до некоторой степени восстановлены, но идейные расхождения только углубились. 30 мая 1866 г. Самарин писал кн. Черкасской:

«В настоящую минуту партии у нас так сгруппировались, что ни к одной из них пристать нельзя, а один в поле не воин» (18).

Польское восстание и последующие события вызвали распад прежнего славянофильства на два, с некоторой долей условности, выделяемых лагеря:

- одна группа, в лице Елагина, Чижова, а в дальнейшем и Кошелева, стремилась сохранить понимание славянофильства как варианта либерализма – и, закономерным образом, приходила к выводу об исчерпании славянофильства в качестве самостоятельного направления. Кошелев, в частности, утверждал, что славянофильство «теперь», т.е. в 60-70-е годы, невозможно – оно растворилось в других направлениях, став историей;

- вторая группа, представленная Аксаковым и Самариним, стремится продолжить в новых условиях усилия прежнего славянофильства по формулировке и утверждению национального самосознания и соответствующего понимания задач государственной и общественной деятельности.

С точки зрения представителей первой группы, позиция, например, Аксакова представляется максимально далекой от прежнего славянофильства. Кошелев, описывая события 1880-1881 г., отмечает: «И.С. Аксаков с немногими своими единомышленниками проповедовал в своей “Руси” какой-то странный возврат к самобытности, позволял себе самые резкие выходки против либералов, против правового порядка и пр. и ограничивался общими фразами насчет предлагавшихся им преобразований» (19). Но если учесть позицию противной стороны, то позволительно сказать, что спор шел о том, что является наиболее существенным, определяющим в идейном наследии прежнего славянофильства – общая либеральная позиция или попытка сформулировать национальное самосознание. В первом случае, разумеется, славянофильство исчерпало себя – во втором, напротив, поскольку проблема национальной политики только начинала осознаваться в качестве ключевой задачи, стоящей перед Российской Империей, славянофильство оказывалось актуальным, или, по крайней мере, способным вновь обрести актуальное значение.

Таким образом, характеризуя историю славянофильства в первой половине 1860-х гг., следует согласиться с тезисом Н.И. Цимбаева, что «расхождения в польском вопросе привели к распаду старого кружка московских славянофилов» (20). События 1863 г., вызвавшие резкий поворот в общественных настроениях, до сих пор недостаточно обстоятельные проанализированные с точки зрения их значения в истории русской общественной мысли, оказали решающее влияние на развитие многих из отечественных идеологических направлений. И.С. Аксаков в письме от 30 июня 1863 г. убеждал Елагина: «любовь к России должна пересилить отвращение к казенному порядку» (21). Осознание ценности существующего государства и его хрупкости, требующей поддержки, легло в основу «благодетельного переворота», по выражению Феокистова (22), определившего формирование мощного консервативного движения 1860-х – 1880-х гг. и одним из направлений которого стало позднее славянофильство Ю.Ф. Самарина и И.С. Аксакова.

Примечания:

1. Исследование выполнено в рамках гранта от Совета по грантам Президента Российской Федерации (2011 г.). Тема: «Национальное самосознание в публицистике поздних славянофилов»; № гранта: МК-1649.2011.6.

2. Даже по отношению к вопросу о крепостном праве среди славянофилов не наблюдалось единства – И.В. Киреевский вообще весьма скептически относился к идее отмены крепостного права.

3. Либерализация 2-й половины 1850-х – начала 1860-х годов носила фактический характер – большая часть ограничений, снятых *de facto*, продолжала действовать *de jure* еще на протяжении нескольких лет, а иные вновь были введены в практику применения после 1866 г.

4. Цит. по: *Цимбаев, Н.И.* И.С. Аксаков в общественной жизни пореформенной России / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1978. С. 69.

5. Письмо от 12 января 1861 г. Цит. по: *Цимбаев, Н.И.* И.С. Аксаков... С. 69.

6. Отметим, что славянофильский кружок оказался весьма деятелен и, что важнее, последователен в сохранении памяти и творческого наследия своих деятелей. К 1860 г. Кошелев и Елагин подготавливают и издают сочинения И.В. Киреевского, в 1861 г. выходит приложением к последнему номеру «Русской Беседы» поминальный сборник Хомякова, готовится издание сочинений последнего, наибольшее значение в котором придается богословским статьям. В подготовке последних к печати участвуют княгиня Черкасская и Гиляров-Платонов (переводившие брошюры и статьи Хомякова с французского и английского), а общую редакцию взял на себя Ю.Ф. Самарин. Следует отметить, что деятельность по сохранению и упрочнению памяти характерно и для последующих лет – славянофилы деятельно участвуют в издании «Русского Архива» (Бартенев был близок к славянофильству и некоторое время даже редактировал «Русскую Беседу», не ужившись, правда, с издателем и официальным редактором Кошелевым), Д.Ф. Самарин, а в дальнейшем его сыновья предпримут образцовый по меркам того времени в редакционном отношении труд по изданию сочинений Ю.Ф. Самарина, А.Ф. Аксакова при помощи Ор.Ф. Миллера и С.Ф. Шарапова издаст сочинения И.С. Аксакова и начнет публикацию его переписки. Если общественная, а тем более государственная активность славянофилов была далеко неровной и не слишком удачной, то в умении сохранить память, зафиксировать традицию они оказались полноценным воплощением собственного учения, преодолевая то беспомыслие, на которое сетовали как на коренной недуг русской культуры.

7. Цит. по: *Цимбаев, Н.И.* И.С. Аксаков... С. 82.

8. *Долбилов, М.Д.* Русский край, чужая вера: Этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М.Д. Долбилов. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. С. 193.

9. Цит. по: *Долбилов, М.Д.* Указ. соч. С. 806, прим. 78.

10. В этом можно видеть попытку реализовать долгосрочные планы, в наличии которых австрийское правительство подозревало российскую сторону при заключении Венского трактата.

11. В сентябре 1863 г. Катков в полемике с Аксаковым не преминул напомнить ему об этом обстоятельстве: «“День” упрекает нас, зачем мы сказали, что голос нас, при начале польского мятежа, раздавался одиноко. [...] Мы нисколько не думали обидеть газету “День”. Но просим ее припомнить, как сама же она в те времена жаловалась, что во всей русской журналистике по польскому делу раздается только голос “Московских Ведомостей”. Она ссылалась на какие-то препятствия, замыкавшие ее уста, и указывала на пустой квадрат во главе своих номеров, где большими буквами значилось: “Москва, *такого-то* числа”. Препятствия всегда были, и всегда бывают; но когда поднимаются вопросы великие, вопросы народные, от которых содрогается каждая фибра в живом

человеке, тогда препятствия сглаживаются сами собой, – а, наконец, если некоторые наши фантазии или даже и зрелые мнения не могут быть вполне высказаны, то неужели та торжественная и вместе так скорбная минута не могла пересилить самолюбия, не могла заставить отложить до другого времени то, что встречало себе препятствие? Не все же в русском чувстве, которое тогда просилось наружу, не все же встречало препятствия и не могло высказаться! Ведь нашла же газета “День” впоследствии возможность говорить и о польском вопросе, и о русском народном чувстве» [Московские Ведомости. 1863, № 195, 7 сентября // Цит. по: Катков, М.Н. Собрание передовых статей «Московских Ведомостей». 1863 год. – М.: Типография В.В. Чичерина, 1897. С. 521].

12. Твардовская, В.А. Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания) / В.А. Твардовская. – М.: Наука, 1978. С. 26.

13. Цимбаев, Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века) / Н.И. Цимбаев. – М.: Изд-во МГУ, 1986. С. 80.

14. О Елагине Аксаков писал в том же письме: «конституционалист и с аристократическими тенденциями – и настолько уже не славянофил» [Цит. по: Цимбаев, Н.И. Славянофильство... С. 81].

15. Цит. по: Цимбаев, Н.И. Славянофильство... С. 81.

16. Цит. по: Нольде, Б.Э. Юрий Самарин и его время / Б.Э. Нольде. – М.: Изд-во Эксмо, 2003. С. 522.

17. Кошелев, А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812 – 1883 годы). С семью приложениями / Издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 2002. С. 103 – 104; Чичерин, Б.Н. Воспоминания. В 2-х тт. Т. 1 / Б.Н. Чичерин; предисл., примеч. С.В. Бахрушин. – М.: Изд-во им. Сабашниковых, 2010. С. 315.

18. Цит. по: Цимбаев, Н.И. Славянофильство... С. 81.

19. Кошелев, А.И. Указ. соч. С. 168.

20. Цимбаев, Н.И. Славянофильство... С. 81.

21. Цит. по: Цимбаев, Н.И. И.С. Аксаков... С. 112.

22. Пресняков, А.Е. Воспоминания Е.М. Феоктистова и их значение // Феоктистов, Е.М. За кулисами политики и литературы (1848 – 1896). Воспоминания / Е.М. Феоктистов. – М.: Новости, 1991. С. 6.